

органов внутренних дел России. Выпуск 2: Сборник научных трудов. М., 1999. С. 35.

¹¹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 47. Д. 135. Л. 120.

¹² ГАСО. Ф. 854. Оп. 3. Д. 6. Л. 15.

¹³ События воспроизводятся по воспоминаниям Шестакова Дмитрия Ильича. В милиции служил с 1925 по 1955 гг. Прошел путь от младшего милиционера до начальника отдела милицейской службы ГУМ МГБ СССР. Возглавлял Управления милиции городов Перми, Нижнего Тагила. Воспоминания подготовлены летом 1986 года для Свердловского музея истории милиции. Свердловский музей истории милиции. Вспомогательный фонд. Д. 6. Л. 25–29.

¹⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 319–350.

¹⁵ Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк. Под общ. ред. Р.Г. Нургалиева. М., 2004. С. 278.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 5870. Д. 5. Л. 62; Д. 6. Л. 39; Д. 8. Л. 13.

Я.В. Цаплина (ЧелГУ)

«ТРУДЫ, ПОЛЬЗУ ОБЩУЮ СОСТАВЛЯЮЩИЕ»: ЭТНОСЫ В КОНТЕКСТЕ, ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЮГО-ВОСТОКА ИМПЕРИИ В XVIII ВЕКЕ

Процесс политико-административной интеграции Южного Урала в состав Российской империи сопровождался научным изучением края. Правительством были организованы Оренбургская (1734–1744) и Академическая (1768–1774) экспедиции, в состав которых входили крупные ученые своего времени. И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Л. Фальк, И.Г. Георги. В рамках данной работы, на основе анализа трудов исследователей, предпринимается попытка рассмотрения населения Южного Урала, представленного различными этническими группами, как одного из ресурсов хозяйственного развития региона.

В силу рационального подхода этносы Южного Урала рассматривались учеными с точки зрения возможной приносимой пользы для Российского государства. В 1731 г. в состав империи была принята Малая Киргис-Кайсакская орда, в связи с чем статский советник И.К. Кирилов в своем проекте перечислял выгоды, проистекающие из данного факта, а также обосновывал теорию, согласно которой чем многочисленнее и разнороднее будет этнический состав населения окрестных областей, тем легче осуществлять контроль над отдаленной территорией и тем стабильнее будет ситуация в централь-

ных губерниях. Башкиры, киргиз-кайсаки и калмыки, таким образом, виделись неким буфером, предотвращающим набеги азиатских кочевых народов. Управление ими, по мнению автора проекта, легко может осуществляться по принципу «разделяй и властвуй»: «Буде же один какой из них народ поднялся, то легче другими усмирить, без посылки российских полков, и так всегда безопасно пребудет, нежели ныне ..., имея отверстную степь к набегам»¹. Кирилов возглавил Оренбургскую экспедицию, призванную заложить город, видевшийся как аналог Петербурга в азиатской части России. Успехи экспедиции, обеспеченные трудами Кирилова и сменившими его на посту начальника комиссии (экспедиции) Татищевым, Урусовым, Неплюевым значительны — можно говорить о начале интеграции региона в состав Российской империи. Проект неоднократно пересматривался, приоритеты политики в регионе менялись, однако восприятие этносов, населяющих приграничные территории как «неприродных подданных», призванных пассивно обеспечивать защиту территорий, сохраняется на протяжении XVIII–XIX вв. Государственная польза — главная цель и смысл существования различных групп «иностранцев», и именно о ней пишут ученые и путешественники. Так, калмыки «занимают пустые степи, ни к какому обитанию не удобные. В них мы имеем кроме других военных служб, хороших и многочисленных защитников наших пределов от набегов киргиз-кайсаков и кубанцев»². Польза от тептярей, по мнению ученых, заключалась в доставке Илецкой соли и строительных работах в Оренбурге, однако общая прибыль от этноса оценивалась как весьма посредственная.

«Полезность» определялась, прежде всего, типом хозяйствования, степенью освоенности занимаемых земель. Земледелие и ремесло считались присущими для народов просвещенных, умеющих максимально эффективно использовать дары природы, а занятия скотоводством и охотой воспринимались как признак отсталости культурного развития этноса, а также наличия такого качества в народном характере как лень. Н.П. Рычков писая о кочевниках «будучи праздными и ленивыми, они не стараются принимать трудов, пользу общую составляющих»³. К трудолюбивым этносам относили мордву, черемис, татар и вотяков, к «праздным» — башкир, калмык, киргиз-кайсаков. Состояние хозяйства у этнических групп юго-востока России различалось. Из земледельческих народностей наибольшей похвалы удостоивались мордва и вотяки. Паллас отмечал, что мордва как паха-

ри лучше, чем российские мужики, а вотяки — трудолюбивее⁴. О методах ведения сельского хозяйства известно, что земли не удобрялись, но после 5–6 лет использования оставались «на пару», хозяева же готовили под пашню другой участок, зачастую расположенный в 10–50 верстах от дома. Сеяли пшеницу, пеньку, лен, гречиху, просо; урожайность, по сведениям Фалька, составляла сам 6–10⁵. Южноуральские земли славилась своим плодородием, и отсутствие высоких урожаев, бедность поселенцев объяснялись исключительно нерадением, природной ленью, неумением работать. Так, о тептярях писали: «Они не пользуются всеми добротами сей благословенной земли, и не богачее тех, которые питаются малыми участками весьма посредственной земли. Сему иной причины нет, как собственная их праздность и нерадение»⁶.

Юго-восточные степи ассоциировались с тучными стадами скота. Киргиз-кайсаки, по сведениям П. Рычкова, имели стада по 2000, 3000 голов и более⁷. Согласно данным по Уфимской провинции, собранным Фальком, башкиры содержали по 500, 1000 и более лошадей, столько же киргизских овец и рогатого скота количество скота у российских поселенцев не превышало 100–200 голов⁸. Огромные табуны у «иноверцев» сохранялись, к удивлению ученых, несмотря на то, что кочевники о животных никак не заботились, зимой оставляли их на улице, сено почти не заготавливали, молодняку не позволяли кормиться молоком матери.

Помимо земледелия и скотоводства население занималось бортничеством и звероловством. Особо развиты данные отрасли были у башкир. Многие из них имели в лесах по 50, 100 и более ульев. Традиционные способы сохранения меда привлекали внимание — в работах Рычкова и Лепехина содержатся красочные описания приспособлений, охраняющих мед от посягательств медведей⁹. По «башкирскому» обычаю бортничеством занимались мордва, чуваша, российские крестьяне. Методика содержания соколов, орлов, ястребов у охотников башкир, по мнению Лепехина была столь совершенна что могла быть заимствована промышленниками.

Необходимо отметить, что русские путешественники Рычков, Лепехин, более практичны в своих изысканиях, нежели иностранцы (Паллас, Георги, Фальк). Так, Лепехин описывал ремесла и промыслы местных жителей, подробно останавливаясь на способах изготовления изделий или продуктов, свойственных только данной местности: выделке овчин и приготовлении кумыса у калмыков, способах защиты

скота от оводов, выделке кож. Упоминаются промыслы: углежжение, смолокурение, дегтярное производство, хмелевание, фиксируется их региональная специфика. В «Записках» затрагивалась тема истребления лесных ресурсов края¹⁰.

Особняком в хозяйственном плане стояли киргиз-кайсаки. В качестве основной отрасли экономики данного этноса ученые называли воровство. «Они ездят на воровство и возвращаются с награбленной корыстью перед глазами всего народа, и сие злодеяние не только не делает между ними порока, но еще почитается за знаки совершенной храбрости и проворства», — возмущался капитан Рычков¹¹. Руководитель Академической экспедиции Паллас усматривал, что в процессе освоения юго-восточных территорий Россией, киргиз-кайсаки начнут отходить от воровства и будут больше заниматься торговом, для чего будут выделывать кожи, ткать, валять войлоки, расщепивать шерсть.

Участники экспедиции выражали надежду, что постепенно к оседлой, спокойной жизни и земледелию, в силу своего естественного развития, степные народы будут переходить, а те, кто уже перешел, будут вести свое хозяйство более эффективно. Способствовать этому должно общее жительство с земледельческими народами, а также специальная политика правительства. В.Н. Татищев считал необходимым увеличение количества земледельцев на Южном Урале, в том числе путем переселения крестьян из малоземельных районов. Согласно указам 1739 и 1740 гг. из Малороссии было перевезено несколько сот семей, однако они оказались не способны защищать себя от набегов кочевников, в связи с чем часть вернулась домой, часть осела в районе Самары. Переселения осуществлялись и в рамках региона — крестьян Исетской провинции на время сельскохозяйственных работ отправляли в Уфимскую провинцию. Ученые отмечали, что пример земледельческих работ для кочевников очень полезен. «Хотя башкиры и по сие время весьма ленивые хлебопашцы, однако по соседству с русскими и ясачными татарами, начинают вникать в хлебопашество, и каждый старается по крайней мере столько посеять хлеба сколько для домашнего обихода потребно. Со временем столь же полезны могут быть обществу своим хлебопашеством, как, например, мещеряки и татары»¹². Российские крестьяне так же перенимали веками отработанные методы ведения хозяйства у местных народов, примером чего может служить занятие пчеловодством, звероловством на «башкирский» образец. Мероприятия, которые проводились правительством в направлении развития земледелия в регионе, оценивались большин-

ством ученых как недостаточные и малоэффективные. Примером может служить неудачный опыт внедрения земледелия у калмыков, описанный Лепехиным¹³.

Отдельная программа развития земледелия в Оренбургском крае была предложена П.И. Рычковым. Основная идея автора сводилась к тому, чтобы увеличить количество живущих в регионе за счет переселения каракалпаков, калмыков, малоземельных крестьян, а также привлечь к земледельческим работам местных кочевников, обеспечивая всех необходимым инвентарем и ссудами. Для переселения каракалпаков достаточно было бы популярно объяснить родовой знати все выгоды ведения земледельческих работ в Оренбургском крае, пообещать поддержку администрации. Что касается калмыков, то Рычков предлагал проводить политику просвещения данного этноса и «доводить их до того, чтобы холостые их люди женились на российских девках, и своих отдавали бы за россиян, между ими живущих, ибо они, посвоясь с россиянами, к земледелию гораздо могут быть склоннее как для себя, так и для общества». Автор проекта предлагал запретить для жителей региона промыслы и отлучки, которые оттягивали людской ресурс от земледельческих работ, в крайнем случае, считал необходимым следить, чтобы люди не отлучались со своих мест до тех пор, пока не будет закончен сельскохозяйственный сезон. Для привлечения к земледелию кочевых этносов необходимо было делать ставку не на насильственные методы, а на особенности национального характера. «Присиливать и неволить их, есть способ весьма не схожий с их нравами и состоянием, но легче приводить их на то исподволь, обходясь с лучшими людьми ласково, и толкуя им о земледелии пристойным и вразумительным образом так, чтоб казалось им оно приятно, а не тягостно»¹⁴. Полезно было знать и использовать слабости кочевников. Так, башкир можно было склонить на что угодно, льстя их честолюбию. В отношении киргиз-кайсаков более действенной политикой было бы использование различного рода подношений и подарков, так как главной их «страстью» являлось стяжание¹⁵.

Анализ научных работ XVIII в. свидетельствует о неоднозначном отношении ученых и администраторов к многообразию хозяйственных типов, представленных на Южном Урале. Воспринимая этносы региона как «естественный ресурс», авторы трудов ставили вопрос о возможности и продуктивности использования данного ресурса в процессе экономического развития государства в целом. С одной стороны, залогом прогресса признавалась необходимость пе-

перехода кочевых этносов к оседлой жизни и сельскохозяйственному производству. Данное условие необходимо было для интеграции региона в социокультурное пространство европейской России, увеличения сборов с населения окраин и проведения христианизаторской политики. С другой стороны, исследователи отмечают уникальность выработанных этносами на протяжении многих поколений методов ведения хозяйства в конкретных природно-климатических условиях и настаивают на необходимости их изучения и использования.

Примечание

¹ Кирилов И.К. Проект. Изъяснение о Киргис-Кайсакской и Каракалпакской ордах // ПСЗ РИ. Т. IX. №6571. С. 309–312.

² Лепехин И.И. Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. IV. С. 379.

³ Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, в 1769–1770 году. СПб., 1770. С. 62.

⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. I. С. 81.

⁵ Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб. 1824. Т. VI. С. 320.

⁶ Рычков Н. Указ. соч. С. 136.

⁷ ОР РГБ. Ф. 222. К. 12. Ед. 1. Л. 34 об.

⁸ Фальк И.П. Указ. соч. С. 253.

⁹ Лепехин И.И. Указ. соч. С. 76–77.

¹⁰ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768–1769 году. СПб., 1795. Ч. I. С. 126, 192, 249.

¹¹ Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в киргиз-кайсакскую степь в 1771 году. СПб., 1772. С. 26.

¹² Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1802. Ч. II. С. 24.

¹³ Лепехин И.И. Указ. соч. Ч. I. С. 218.

¹⁴ Рычков П.И. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Труды вольно-экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1767. Ч. VII. С. 6–7.

¹⁵ Там же. С. 5–18.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Челябинской области